

АЛИСА
СКАУТ

БАРХАТНЫЙ
КАПКАН

Алиса Скаут

Бархатный капкан

«Автор»

2026

Скаут А.

Бархатный капкан / А. Скаут — «Автор», 2026

57-летняя бизнес-леди, привыкшая покупать всё, включая людей, встречает 23-летнего официанта, который оказывается крепче алмазов, за которыми она охотится. Их страсть превращается в поле битвы двух поколений, где на кону стоят не только деньги, но и жизнь. -----Ресторан «Ламия» располагался на пятьдесят седьмом этаже башни «Федерация», и Елизавета Воронцова любила его именно за это — за головокругительную высоту, за панорамные окна, за ощущение, что весь город лежит у её ног. Сегодня она выбрала столик у самого края, тот самый, который администратор всегда держал для особых гостей. Отсюда Москва-Сити казалась россыпью светящихся кристаллов, а проспекты внизу — золотыми артериями, по которым текли бесконечные потоки машин. Елизавета поправила тяжелую прядь черных волос....

Содержание

ЧАСТЬ I. ХИЩНИЦА И ДОБЫЧА	5
Глава 1. Шагреневая кожа	5
Глава 2. Ты охотишься на меня?	10
Глава 3. Золотая клетка	17
Глава 4. Игра в подчинение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алиса Скаут

Бархатный капкан

ЧАСТЬ I. ХИЩНИЦА И ДОБЫЧА

Глава 1. Шагреневая кожа

Ресторан «Ламия» располагался на пятьдесят седьмом этаже башни «Федерация», и Елизавета Воронцова любила его именно за это — за головокружительную высоту, за панорамные окна, за ощущение, что весь город лежит у её ног. Сегодня она выбрала столик у самого края, тот самый, который администратор всегда держал для особых гостей. Отсюда Москва-Сити казалась россыпью светящихся кристаллов, а проспекты внизу — золотыми артериями, по которым текли бесконечные потоки машин.

Елизавета поправила тяжелую прядь черных волос, упавшую на плечо. В пятьдесят семь она выглядела на сорок пять, может, на сорок семь в плохой день. Три персональных тренера, косметолог из Цюриха, генетический анализ питания и, конечно, хирург — но только самый легкий, ювелирный, тот, что работает так тонко, что даже коллеги не догадываются. Она носила свою красоту как дорогой костюм: сшитый по фигуре, безупречный и требующий постоянного ухода.

Сегодня на ней было черное платье-футляр от Givenchy, которое подчеркивало талию, всё еще узкую, и линию бедер, над которыми она работала три раза в неделю с беспощадностью сержанта. На запястье — браслет из белого золота с россыпью бриллиантов, подарок самой себе на прошлый день рождения. На шее — нитка черного жемчуга, того самого, который она когда-то выкупила на аукционе Sotheby's, обойдя какую-то саудовскую принцессу. Елизавета помнила тот момент с почти сексуальным удовольствием: она подняла табличку в последнюю секунду, и принцесса, юная девочка лет двадцати, растерянно опустила глаза. Победа. Одна из многих.

— Елизавета Андреевна, позвольте? — Игорь Борисович, её финансовый директор, склонился к уху. — Документы по сделке. Нужна ваша подпись.

Она не глядя взяла ручку. Сделка по поглощению конкурента — сети ювелирных салонов «Золотая ладья» — длилась полгода. Сегодня утром владелец наконец сдался. Елизавета знала, что он сдастся: у него была молодая жена-транжира и двое детей в Лондоне, а еще — долги, которые она услужливо скупала через подставные фирмы. Обычная игра. Скучная, предсказуемая, но всё еще приносящая деньги.

— Готово, — она пододвинула папку. — Шампанское всем. И позовите Артура, пусть скажет тост.

Артур был её компаньоном по сегодняшнему вечеру — молодой адвокат, тридцать два года, смазливое лицо и амбиции размером с эту башню. Они встречались уже два месяца: ровно столько, сколько Елизавета обычно позволяла себе с такими мальчиками. Она называла их «фаворитами», как Екатерина Великая, хотя вслух этого не произносила. Артур был удобен: знал, когда молчать, умел поддержать беседу о вине и никогда не задавал лишних вопросов о её бизнесе.

Она нашла его взглядом через зал. Артур стоял у барной стойки и разговаривал с какой-то девушкой.

Совсем юной.

Лет двадцать, не больше. Светлые волосы, собранные в низкий пучок, открытая спина, платье, которое стоило копейки, но сидело идеально. Девушка смеялась, запрокидывая голову, и Елизавета увидела, как Артур улыбается ей в ответ — той самой улыбкой, которой он улыбался ей три часа назад в машине.

Что-то внутри Елизаветы сжалось. Не от ревности — боже упаси, ревновать мальчика-адвоката было ниже её достоинства. Нет, это было другое. Она вдруг заметила, как падает свет на лицо той девушки: юное, свежее, без единой морщины. Без следов усталости, без теней под глазами, без этой вечной складки между бровями, которая появляется у женщин после сорока, сколько бы ботокса ты ни вколола.

Девушка снова рассмеялась, и Елизавета почувствовала, как внутри поднимается знакомая ледяная волна. Она называла её «драконом». Дракон просыпался редко, но метко: когда кто-то смел ей перечить, когда сделка шла не по плану, когда муж-покойник, бывало, поднимал на неё руку. И сейчас.

Она медленно выдохнула, взяла бокал и сделала глоток шампанского. Игристое обожгло горло — она предпочитала брют, самый сухой, почти агрессивный. Поставила бокал на стол и заметила, что на скатерти, совсем рядом с её локтем, расплывается крошечное пятнышко. Капля. Кто-то пролил. Не она — она не проливала. Но пятно было. Маленькое, едва заметное, но оно раздражало, как песчинка в туфле.

— Официант, — произнесла она вполголоса.

Никто не подошел.

— Я сказала: официанта, — повторила она громче, и сидящие за столом вздрогнули.

К столу почти бегом направился молодой человек. Высокий, она отметила это сразу, даже раньше, чем разглядела лицо. Светлые волосы, чуть взъерошенные, словно он только что снял головной убор и не успел пригладить. Тонкие черты лица, острые скулы, чистый лоб без морщин. Белая рубашка, черный фартук официанта, в руках — поднос, который он прижимал к груди почти как щит.

Он подошел слишком быстро. Или ей просто показалось, что быстро, потому что она засмотрелась на его руки — длинные пальцы, узкие запястья, никаких татуировок, никакой дешевой бижутерии. Просто чистые, молодые, красивые руки.

— Да, слушаю вас, — сказал он, чуть запыхавшись.

Имени на бейдже она не разглядела, только первую букву. «М». И цифру — кажется, двадцать три. Возраст? Или номер? В «Ламии» не писали возраст на бейджах, конечно, нет. Просто цифра. Случайная.

— Здесь пятно, — Елизавета указала на скатерть. — Я не садилась за стол с пятнами. Я плачу не за пятна.

Официант опустил взгляд. Пятно действительно было — микроскопическое, с булавоочную головку, но её это не волновало. Ей хотелось, чтобы он посмотрел на неё, а не на скатерть. И он посмотрел.

Их взгляды встретились, и Елизавета почувствовала странный толчок — не в сердце, нет, сердце у неё было тренированное, как мышца, — где-то в солнечном сплетении. У него были светлые глаза. Не голубые, не серые, а именно светлые — прозрачные, как вода в озере, которую видишь до самого дна и не веришь, что оно такое чистое.

И в этих глазах не было страха.

Она привыкла, что люди боятся её с первой секунды. Официанты суеются, администраторы лебезят, партнеры напрягаются. Этот стоял спокойно. Смотрел на неё прямо, не отводя взгляда, и молчал. Не оправдывался. Не извинялся.

— Я слушаю, — повторил он, и в его голосе не было ни подобострастия, ни вызова. Просто ровная интонация, словно он ждал, что она скажет что-то действительно важное.

— Ты что, глухой? — Елизавета повысила голос, чувствуя, как за столом затихают разговоры. Артур уже обернулся, смотрел на неё с легкой тревогой. — Я сказала: пятно. На скатерти. Замените скатерть. Это так сложно?

— Нет, не сложно, — ответил официант всё тем же спокойным тоном. — Я сейчас позову метрдотеля, и мы всё заменим. Приносим извинения.

Он не сказал «простите». Не залебезил. Просто обозначил порядок действий, и это взбесило её еще больше. Потому что так ведут себя не официанты. Так ведут себя люди, которые считают себя равными. А она не терпела равенства. Она терпела только подчинение.

— Я не хочу ждать метрдотеля, — она отодвинула стул и встала. Каблуки сделали её выше, но он всё равно оставался выше неё на полголовы. — Я хочу, чтобы ты заменил скатерть. Сейчас. Сам. Без метрдотеля.

Она видела, как дернулся кадык на его шее. Единственное движение, которое выдало его напряжение. Но лицо осталось спокойным. Он медленно кивнул, поставил поднос на соседний столик, подошел ближе.

— Я должен переставить приборы, — сказал он, глядя ей в глаза. — Это займет минуту. Вам придется немного подождать.

— Мне придется? — она усмехнулась. — Ты мне указываешь, что мне придется?

За столом повисла тишина. Игорь Борисович замер с бокалом в руке. Артур сделал шаг к ней, но она остановила его движением руки.

— Я просто предупредил, — ответил официант, и в его голосе появилась едва уловимая нотка — не раздражения, нет, скорее усталости. — Чтобы вы знали. Скатерть будет заменена через минуту. Приборы чистые. Пятна не будет.

Он смотрел на неё в упор, и она вдруг поняла, что он не боится. Совсем. Ни капли. Более того — он смотрит на неё не как на клиентку, не как на начальницу, не как на богатую даму, которая может уничтожить его одним звонком. Он смотрит на неё как на человека. Просто как на человека, который капризничает за ужином.

И под этим взглядом ей вдруг стало неловко.

Это было новое, почти забытое чувство. Последний раз она испытывала его лет двадцать назад, когда муж застукал её в кабинете за чтением его бумаг. Тогда она покраснела, начала оправдываться, а он ударил её по лицу и сказал: «Никогда не смей смотреть на меня так, словно ты что-то понимаешь». Больше она так не смотрела. Ни на кого. Научилась смотреть сверху вниз, даже на тех, кто выше ростом.

А этот мальчик — да, мальчик, ему ведь не больше двадцати пяти, — этот мальчик смотрел на неё так, как будто видел её насквозь. И это было невыносимо.

— Хорошо, — сказала она, опускаясь обратно на стул. — Минута. Засаекаю.

Он кивнул и принялся убирать приборы с той части стола, где лежала испачканная скатерть. Движения у него были точные, выверенные, совсем не суетливые. Ни одного лишнего жеста. Он не ронял вилки, не звенел бокалами — просто делал свою работу так, словно всю жизнь только этим и занимался. Но что-то в его осанке, в том, как он держал спину, подсказывало Елизавете, что официант из него — временный. Студент, подумала она. Или спортсмен. Или актер, ожидающий своей роли. Москва полна таких мальчиков, которые разносят кофе, пока ждут главного шанса.

Но этот был другим.

Через минуту — она действительно посмотрела на часы, — скатерть была заменена. Чистая, белая, накрахмаленная. Приборы вернулись на места. Официант выпрямился, посмотрел на неё и спросил:

— Еще что-нибудь?

Она хотела сказать «нет». Хотела отпустить его, забыть этот нелепый эпизод и вернуться к празднованию сделки. Но слова застряли в горле. Потому что он опять смотрел на неё своими

светлыми глазами, и в этом взгляде не было ни ненависти, ни презрения, ни даже обиды за её хамство. Только спокойное, ровное внимание.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Максим.

— Фамилия?

— Соколов.

— Давно работаешь?

— Полгода.

Она кивнула, словно запоминая. Потом полезла в сумочку — маленький клатч от Hermès, крокодиловая кожа, лимитированная серия, — достала визитницу. Визитки у неё были двух видов. Одни — официальные, с должностью «Генеральный директор ювелирного дома "Эстель"». Другие — личные, только с именем и телефоном, на плотной черной бумаге с золотым тиснением. Она выбрала личную.

— Возьми, — она протянула визитку двумя пальцами, как протягивают чаевые.

Он колебался секунду. Потом взял — аккуратно, не коснувшись её пальцев, и сунул в карман фартука, даже не взглянув.

— Ты уволен, — сказала она, глядя ему в глаза. — Я договорюсь с управляющим. Завтра жду тебя на новом месте работы. В десять утра. Адрес на визитке.

Максим — теперь у него было имя — смотрел на неё всё с тем же непроницаемым выражением. Ей показалось, что он сейчас рассмеется. Или пошлет её. Или просто повернется и уйдет. Но он ничего этого не сделал. Просто стоял и смотрел, и под этим взглядом она чувствовала себя так, будто это она — официантка, а он — посетитель, который решает, давать ли ей чаевые.

— Спокойной ночи, — сказал он наконец, развернулся и пошел прочь, унося свой пустой поднос.

Елизавета осталась стоять с поднятой головой, чувствуя, как колотится сердце. Артур что-то говорил ей на ухо, Игорь Борисович подливал шампанского, за столом возобновились разговоры, но она их не слышала. Она смотрела вслед удаляющейся фигуре в белой рубашке и думала о том, что впервые за много лет кто-то не стал играть по её правилам.

И это было интересно.

Она села, взяла бокал, сделала глоток. Шампанское показалось ей теплым и безвкусным, как вода. Потом полезла в сумочку за телефоном.

— Алло? — сказала она, когда на том конце ответили. — Лев Маркович, это Воронцова. Да, я в вашем ресторане. Нет, всё отлично. У меня просьба. Официант, Максим Соколов. Да, молодой. Нет, не наказать. Уволить. Да, прямо сегодня. Нет, никаких выходных пособий. Я оплачу всё, что нужно. Просто чтобы завтра его здесь не было. Спасибо.

Она положила трубку и улыбнулась.

Теперь у него не было выбора. Либо он придет к ней завтра, либо останется без работы. А судя по его рукам — без колец, без часов, с чуть потертыми манжетами рубашки — деньги ему нужны. Студент. Или, может, помогает больной матери. Или копит на что-то. Какая разница. Деньги всегда находили путь к сердцу таких, как он.

Она допила шампанское и позволила Артуру взять её под руку. Вечер продолжался. Сделка была закрыта, конкуренты повержены, шампанское лилось рекой. Но мысли Елизаветы были далеко — там, в подсобке ресторана, где мальчик с прозрачными глазами снимал фартук и, возможно, думал о ней. А возможно, и нет.

Эта неопределенность сводила её с ума. И от этого хотелось жить.

Когда они выходили из ресторана, Елизавета на секунду задержалась у дверей и обернулась. Максима нигде не было видно. Только другие официанты сновали между столиками, да администратор у стойки говорил кому-то по телефону, нервно прикрывая трубку ладонью.

Она усмехнулась и шагнула в лифт. Артур что-то рассказывал о завтрашнем заседании суда, но она его не слушала. Она думала о том, наденет ли завтра красное платье или черный брючный костюм. И придет ли он вообще.

Москва внизу мерцала миллионами огней. Елизавета смотрела на город и чувствовала себя хозяйкой этого муравейника. Она могла купить любого из этих людей. Могла уничтожить любого. Могла сделать с ними всё, что угодно. Кроме одного.

Она не могла заставить их смотреть на неё так, как смотрел сегодня этот официант.

И именно поэтому он был ей нужен.

Глава 2. Ты охотишься на меня?

Он не пришел.

Елизавета ждала его в понедельник. В десять утра, как было велено, она сидела в своем кабинете — огромном, угловом, с панорамными окнами, выходящими на Садовое кольцо, — и смотрела на дверь. На столе стояли две чашки кофе: одна для неё, черный, без сахара, вторая — для него, капучино с корицей, который она заказала, сама не зная зачем. Она не знала, какой кофе он пьет. Возможно, он вообще не пьет кофе. Возможно, он предпочитает чай. Или воду. Или кровь девственниц. Откуда ей было знать? Она видела его три минуты в ресторане.

Но капучино стоял. Остывал.

В десять пятнадцать она позвонила администратору ресторана. Лев Маркович, старый лис с манерами царского камердинера, подтвердил: да, Соколов уволен. Да, вчера вечером. Да, ему передали, что расчет он получит только при личной явке в бухгалтерию их головного офиса — который, по счастливому совпадению, находился в том же здании, что и «Эстель». То есть здесь. На пятнадцатом этаже. Прямо напротив лифта. Не промахнешься.

— Он знает, куда идти? — спросила Елизавета ледяным тоном.

— Разумеется, Елизавета Андреевна. Я лично вручил ему записку с адресом.

— И что он сказал?

Пауза.

— Ничего, — осторожно ответил Лев Маркович. — Просто взял записку и ушел.

— Взял? — переспросила она.

— Да. Взял. И ушел. Даже не прочитал при мне.

Она положила трубку и уставилась в окно. За стеклом проплывали облака, низкие, тяжелые, обещающие дождь. Москва внизу копошилась, гудела, спешила по своим делам. А она сидела в кожаном кресле, которое стоило как хороший автомобиль, и ждала. Она. Елизавета Андреевна Воронцова, владелица сети «Эстель», вдова человека, чье имя до сих пор произносили шепотом в определенных кругах. Она ждала какого-то официанта.

Это было унижительно.

В одиннадцать она вызвала секретаршу.

— Марина, отмените встречу на двенадцать. И на час тоже. Перенесите на завтра.

— Но, Елизавета Андреевна, там поставщики из Антверпена...

— Я сказала: отмените.

В двенадцать она выпила третий эспрессо. Сердце колотилось где-то в горле, но она не могла остановиться. Кофе был единственным, что держало её в сознании после бессонной ночи — она почти не спала, ворочалась в постели, прокручивая в голове их разговор. Его взгляд. Его «спокойной ночи». Его пальцы, которые не коснулись её руки, когда он брал визитку.

В час дня капучино окончательно остыл. Она сама вылила его в раковину в примыкающей к кабинету ванной комнате и долго смотрела, как белая пенка растворяется в водяной воронке.

Он не пришел.

Прошла неделя.

Елизавета вела себя так, словно ничего не случилось. Встречи, переговоры, ужины с Артуром, тренировки с персональным тренером — Сергеем, который был младше её на пятнадцать лет и боялся её до дрожи в коленях. Жизнь шла своим чередом. Но что-то внутри неё изменилось.

Она стала замечать молодых людей.

Нет, не так. Она и раньше их замечала — но как предмет интерьера, как красивую вазу или удачный стул. Теперь она вглядывалась в лица. В официантах, бариста, курьерах, фитнес-инструкторах. Искала светлые глаза, острые скулы, спокойное, почти ленивое выражение лица. Не находила.

В среду она позвонила своему начальнику службы безопасности — Петру Ильичу, бывшему подполковнику ФСБ, который работал на неё уже пятнадцать лет и знал о ней больше, чем её покойный муж.

— Мне нужна информация, — сказала она без предисловий. — Максим Соколов. Возраст примерно двадцать три — двадцать пять. Работал официантом в «Ламии». Уволен неделю назад.

— Характер информации? — спросил Петр Ильич. Голос у него был сухой, бесстрастный, как у врача, зачитывающего диагноз.

— Всё. Где живет. Где работает сейчас. Состав семьи. Образование. Кредиты. Приводы. Всё, что можно найти за сутки.

— Сутки? — он позволил себе крошечную паузу. — Будет дорого.

— Мне плевать.

Он перезвонил через восемнадцать часов. Елизавета как раз выходила из душа в своей квартире на Остоженке — двухэтажный пентхаус, который она купила после смерти мужа, продав их общий особняк на Рублевке. Слишком много там было призраков.

— Слушаю, — она прижала телефон плечом к уху, вытирая волосы полотенцем.

— Максим Алексеевич Соколов, — начал Петр Ильич. — Двадцать три года. Студент пятого курса факультета журналистики МГУ. Заочное отделение, но сессии сдает вовремя, долгов нет. До журфака окончил медицинский колледж по специальности «лечебное дело», фельдшер. Работал на скорой два года.

Елизавета замерла. Медик. Он был медиком. Не актер, не бездельник — фельдшер скорой помощи. Человек, который видел кровь и смерть. Вот откуда этот взгляд — спокойный, оценивающий. Не страх перед ней, а привычка оценивать ситуацию. Как на вызове.

— Дальше, — сказала она.

— Прописан в Люберцах, с матерью. Отец умер двадцать лет назад, мать — инвалид второй группы, не работает. Максим содержит её и себя. До ресторана работал в кофейне на Арбате, уволился неделю назад. Сейчас устроился в новое место. Кофейня «Зерно» на Покровке. Небольшая, частная. Зарплата — сорок тысяч плюс чаевые.

Сорок тысяч. Он жил на сорок тысяч рублей в месяц. Содержал больную мать. Учился на журналиста. Работал на скорой. А она предложила ему «новое место работы» — как предлагают конфетку капризному ребенку. И он просто выбросил её визитку. И нашел себе другую кофейню, за сорок тысяч, с чаевыми от студентов и пенсионеров. Только бы не приходиться к ней.

— Адрес кофейни, — потребовала она.

Петр Ильич продиктовал. И — после короткой паузы — добавил:

— Елизавета Андреевна, разрешите вопрос.

— Разрешаю.

— Это как-то связано с безопасностью? С бизнесом?

— Это личное, Петр Ильич.

— Я понимаю. Но, учитывая ваш статус и... окружение покойного супруга, я бы рекомендовал проверять такие контакты глубже.

— Глубже — это как?

— Связи. Знакомства. Возможные мотивы. Отец Максима Соколова — Алексей Соколов. Журналист. Погиб в двухтысячном году. Обстоятельства смерти не вполне ясны. Дело закрыто как несчастный случай, но...

— Что «но»?

— Но я помню это дело. И ваш покойный супруг фигурировал в нем как свидетель.

Елизавета медленно опустилась на край ванны. Полотенце соскользнуло с плеч, но она не заметила. В ушах зашумело.

— Что за дело? — спросила она тихо.

— Алексей Соколов расследовал хищения в одном из ювелирных предприятий. Кажется, это было связано с ломбардным бизнесом. Я не помню деталей, надо поднимать архивы. Но тогда гремело. А потом он погиб. Попал под машину. Водитель скрылся. Дело замяли.

Двадцать лет назад. Двадцать лет назад Максиму было три года. Он рос без отца, с матерью-инвалидом, в Люберцах, на сорок тысяч в месяц. А она — она в это время примеряла бриллианты на приемах, которые устраивал её муж. Тот самый муж, который фигурировал в деле о гибели его отца.

В висках застучало. Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

— Петр Ильич, поднимите всё, что сможете, по этому делу. Всё, что сохранилось. И докладывайте мне лично. Никто не должен знать.

— Принято. И, Елизавета Андреевна...

— Да?

— Будьте осторожны. Если этот мальчик что-то знает... или ищет... он может быть опасен.

— Я сама опасна, — отрезала она и положила трубку.

Опасна. Она действительно была опасна. Всю свою жизнь она строила империю на костях — сначала на костях конкурентов мужа, потом на костях его самого. Она пережила девяностые, пережила нулевые, пережила три покушения, два суда и одну клиническую смерть. Её боялись. Её уважали. С ней считались.

И вот теперь она сидела на краю ванны в одном халате и думала о том, что мальчик, который разносит кофе на Покровке, возможно, знает о ней что-то такое, чего она сама о себе не знает. Или знает, но не хочет помнить.

Она встала, подошла к зеркалу. Оттуда на неё смотрела женщина с мокрыми черными волосами, бледная, но всё еще красивая. Морщинки у глаз, которые не мог убрать ни один косметолог. Тени под глазами, несмотря на восемь часов сна. Тонкая сеточка сосудов на скулах — наследство от отца, который пил. Она провела пальцем по своему отражению.

— Ты охотишься на меня? — прошептала она. — Или я охочусь на тебя?

Ответа не было.

На следующее утро она надела самое простое, что нашлось в гардеробе: темные джинсы, белая рубашка, кеды. Никаких бриллиантов, кроме тонкой цепочки на шее. Никакого макияжа, кроме тонального крема и туши. Волосы собрала в хвост. Посмотрела в зеркало и усмехнулась: она выглядела как женщина, которая пытается выглядеть на десять лет моложе. Но других вариантов не было.

Водителя она отпустила. За руль села сама — черный «Мерседес», не самый новый, не самый броский, из тех, что стоят в гараже «на всякий случай». На Покровку приехала к десяти утра, припарковалась в соседнем дворе, заплатив охраннику тысячу рублей за молчание.

Кофейня «Зерно» находилась в полуподвале старого дома. Никакой вывески, кроме меловой доски на тротуаре с надписью «Кофе. Круассаны. Чай». Ступеньки вниз, тяжелая деревянная дверь, звякающий колокольчик над входом.

Внутри пахло свежемолотым кофе и корицей — точно так же, как пах остывший капучино в её кабинете. Маленький зал на пять столиков, стойка из темного дерева, полки с книгами на стенах. Играла тихая музыка — кажется, French jazz, что-то старое, с виниловым

потрескиванием. За стойкой стояла девушка с дредами и татуировкой на плече. Увидев Елизавету, она улыбнулась.

— Доброе утро! Что будете?

— Американо, — сказала Елизавета, оглядывая зал. — И... могу я поговорить с Максимом?

Девушка перестала улыбаться. В её глазах мелькнуло что-то — любопытство, настороженность, — но она быстро взяла себя в руки.

— А кто его спрашивает?

— Знакомая, — Елизавета постаралась улыбнуться как можно мягче. — Мы встречались в «Ламии». Я просто хотела... поговорить. Лично.

— Макс! — крикнула девушка, не оборачиваясь. — Тут к тебе пришли!

Из подсобки вышел он.

Она сразу поняла, что он знал. Знал, что она придет. Знал с того самого момента, как взял её визитку и не выбросил — она была уверена, что он её не выбросил, а просто спрятал где-то, как прячут улику. Он был в той же белой рубашке, что и в «Ламии», только теперь без фартука, с закатанными до локтей рукавами. На левом запястье — тонкий кожаный браслет. Больше ничего. Ни часов, ни колец. Чистые руки. Спокойное лицо.

— Доброе утро, Елизавета Андреевна, — сказал он. Имя и отчество прозвучали так, словно он репетировал их всю ночь. — Вы всё-таки нашли меня.

— Ты не оставил мне выбора, — ответила она.

— Выбор есть всегда, — он взял с подноса чистую чашку и принялся протирать её полотенцем. — Вы могли бы просто забыть обо мне. Прожить дальше свою жизнь. Это ведь несложно. Вы богаты, успешны, у вас есть всё. Зачем вам официант из дешевой кофейни?

Он говорил спокойно, почти лениво, но каждое слово било точно в цель. Она почувствовала, как внутри снова поднимается дракон, но подавила его усилием воли.

— Я могу задать тебе тот же вопрос, — сказала она, делая шаг к стойке. — Зачем тебе эта кофейня? Ты студент МГУ. Ты фельдшер. Ты работал на скорой. Ты мог бы найти работу получше.

— Откуда вы знаете про скорую? — он впервые поднял на неё глаза, и в них мелькнула искра — не гнева, нет, скорее интереса.

— Я навела справки.

— Вы навели справки, — он усмехнулся, покачал головой. — Ну конечно. Вы уволили меня из ресторана. Вы выяснили, где я работаю. Вы знаете про мою семью. И вы пришли сюда, в эту дыру, лично. В кедах. С хвостиком. Без охраны. Зачем?

Девушка за стойкой переводила взгляд с одного на другую с выражением крайнего любопытства. Елизавета бросила на неё короткий взгляд, и та поняла без слов: отошла в дальний угол зала, сделав вид, что поправляет книги на полках.

— Я хочу, чтобы ты работал у меня, — сказала Елизавета, понижая голос.

— Кем? — он скрестил руки на груди. — Официантом? Уборщиком? Или, может, мальчиком по вызову? У вас же, наверное, есть такой пункт в штатном расписании?

Она ударила ладонью по стойке — громче, чем планировала. Чашка, которую он протирал, подпрыгнула, но устояла.

— Не смей! — её голос сорвался почти на шипение. — Не смей говорить со мной в таком тоне!

— Почему? — он даже не вздрогнул. — Потому что вы богатая, а я — никто? Потому что вы можете уничтожить меня одним звонком? Звоните. Уничтожайте. Я уже терял работу, которую любил. Терял людей, которых любил. Мне нечего терять.

Она смотрела на него, и мир вокруг сужался до этого лица — бледного, осунувшегося, с синяками под светлыми глазами. Он, кажется, тоже не спал эту неделю. И он тоже думал о

ней — она прочитала это в его взгляде, в том, как напряглись желваки на скулах. Он думал о ней. Не мог не думать. Так же, как она не могла не думать о нем.

— Чего ты хочешь? — спросила она тихо.

— Ничего, — ответил он. — В том-то и дело. Мне ничего от вас не нужно. Ни ваших денег, ни ваших связей, ни вашего... внимания. Я просто хочу спокойно работать. Варить кофе. Писать диплом. Помогать матери. Жить. Вы можете мне это позволить? Просто позволить жить?

Она молчала. За окном проехал трамвай, и стекла в деревянных рамах задрожали. Запах корицы смешивался с запахом старой бумаги и пыли. Где-то наверху, над головой, скрипнули половицы — в доме кто-то ходил, жил своей обычной жизнью, не зная, что в кофейне на первом этаже решается чья-то судьба.

— Нет, — сказала она наконец. — Не могу.

— Почему?

— Потому что я тебя запомнила, — она сама не ожидала, что скажет это вслух. Слова вырвались раньше, чем она успела их остановить. — Я запомнила тебя, Максим. Твои глаза. То, как ты на меня смотрел. Никто так на меня не смотрел уже много лет. Я не знаю, что это значит. Может быть, ничего не значит. Может быть, у меня просто возрастное, — она усмехнулась, и усмешка вышла горькой. — Но я не могу тебя отпустить. Не сейчас.

Он слушал её, не перебивая. Когда она закончила, он помолчал, потом взял с подноса другую чашку и начал наливать кофе из турки — медленно, тщательно, как делал, наверное, сотни раз в день.

— Американо, — сказал он, ставя чашку перед ней. — За счет заведения. Садитесь за столик. Я приду, когда освобожусь. Поговорим. Но не здесь. Не сейчас. У меня смена до шести. Если вы готовы ждать — ждите. Если нет — дверь там.

Он кивнул на выход и отвернулся, занявшись кофемашиной. Разговор был окончен.

Елизавета взяла чашку, отошла к столику у окна и села. Кофе был горячим, горьким, без сахара — такой, как она любила. От первого глотка по телу разлилось тепло, и она вдруг поняла, что замерзла — то ли от волнения, то ли от утренней прохлады полуподвала. Она замерзла и устала. И впервые за долгое время почувствовала, что не контролирует ситуацию.

Это было страшно.

И это было прекрасно.

Она просидела в кофейне до закрытия. Шесть часов. Шесть часов она сидела за столиком у окна, пила кофе, читала книгу, которую нашла на полке (какой-то французский детектив, она не запомнила ни имени автора, ни сюжета), смотрела, как Максим варит кофе, разносит чашки, улыбается посетителям. Смотрела на его руки, на то, как он двигается — плавно, бесшумно, профессионально. На то, как он убирает волосы со лба быстрым движением головы. На то, как он смеется шутке какого-то старика, зашедшего на чай.

Она смотрела на него, и ей казалось, что она рассматривает инопланетянина. Он жил в другом мире. В мире, где сорок тысяч — это нормально. Где можно улыбаться незнакомым людям просто так, а не для сделки. Где можно носить одну и ту же рубашку неделями и не переживать об этом. Где можно потерять работу и найти другую за один день. Где можно смотреть в глаза богатой женщине и говорить ей «нет».

В её мире так не делали.

В шесть вечера девушка с дредами перевернула табличку на двери с «Открыто» на «Закрыто», помахала Максиму рукой и ушла, бросив на Елизавету последний любопытный взгляд. Максим вытер стойку, выключил кофемашину, снял фартук. Потом подошел к её столику и сел напротив.

— Шесть часов, — сказал он. — Вы действительно умеете ждать.

— Я умею всё, что приносит результат, — ответила она.

— И какого результата вы ждете?

Она отодвинула пустую чашку и положила руки на стол — открытые, ладонями вниз. Не в жесте угрозы. В жесте переговоров.

— Я предлагаю тебе сделку, — сказала она. — Я не покупаю тебя. Я не нанимаю тебя на работу. Я предлагаю контракт. Три месяца. Ты сопровождаешь меня на мероприятиях — деловых и светских. Ты будешь моим... компаньоном. Лицом. Я устала от мальчиков, которые улыбаются мне, потому что я плачу. Я хочу видеть рядом человека, который не боится меня. Который смотрит на меня так, как ты. Три месяца. За это я оплачиваю лечение твоей матери — лучшее, любое, хоть в Израиле, хоть в Германии. Я оплачиваю твои долги, если они есть. И я возвращаю тебе работу в «Ламии» или любом другом ресторане Москвы, когда контракт закончится. Всё, что я прошу взамен — твоё присутствие. Твоё время. И твоя честность. Если ты скажешь мне, что я выгляжу ужасно — я приму это. Если ты скажешь, что я веду себя как стерва — я приму и это. Но я хочу правды. Только правды. Три месяца. Потом ты свободен.

Он молчал долго. Смотрел на неё, и в его светлых глазах что-то двигалось — словно облака проплывали над прозрачным озером. Потом он взял со стола салфетку и начал сворачивать её в трубочку — нервный жест, первый нервный жест, который она у него заметила.

— Моей матери не нужно лечение в Израиле, — сказал он наконец. — У неё рассеянный склероз. Это не лечится. Это можно только поддерживать. И я это делаю.

— Тогда деньги пойдут на поддержку. Лучшие препараты. Лучшие врачи. Сиделка. Всё, что нужно.

— Вы действительно думаете, что всё можно купить?

— Да, — сказала она просто. — Я действительно так думаю. Потому что до сих пор у меня это получалось.

Он усмехнулся и покачал головой. Салфетка в его пальцах превратилась в плотный бумажный жгут.

— А если я скажу «нет»? — спросил он. — Если я просто встану и уйду, и вы меня больше никогда не увидите?

— Тогда я уйду, — она пожала плечами. — Я не буду тебя преследовать. Я не буду мстить. Я не буду закрывать эту кофейню или звонить твоему декану. Я не бандитка, Максим. Я просто женщина, которая привыкла получать то, что хочет. Но если то, что я хочу, не хочет меня в ответ — что ж, такое тоже бывает. Я справлюсь.

Она лгала. Она понятия не имела, как будет справляться. Но он не должен был этого знать.

Он посмотрел на неё долгим взглядом — так смотрят врачи на тяжелых пациентов, оценивая шансы на выздоровление. Потом вздохнул и отложил смятую салфетку.

— Три месяца, — сказал он. — Но у меня есть условия.

— Какие?

— Первое. Никаких... физических отношений без моего согласия. Я не проститутка и не жиголо. Я не буду спать с вами за деньги.

— Принято, — сказала она ровно, хотя внутри всё сжалось.

— Второе. Я продолжаю учиться. Сессии, диплом, госэкзамены — вы меня отпускаете на всё это. Без вопросов.

— Принято.

— Третье. Вы не лезете в мою семью. С моей матерью я разбираюсь сам. Ваши деньги — только на лекарства и врачей, но никаких личных визитов, никаких «благотворительных» жестов. Она не должна знать о вас.

— Почему?

— Потому что я так хочу. Принимается?

Она кивнула.

— Четвертое, — он помолчал. — Вы скажете мне правду. Об одной вещи. И если я пойму, что вы лжете, — сделка расторгается немедленно.

— О какой вещи?

Он подался вперед, и его лицо оказалось совсем близко — она чувствовала запах кофе от его рубашки, видела тонкую голубую жилку на виске, крошечный шрам над бровью, которого раньше не замечала.

— Вы знали моего отца? — спросил он тихо. — Или вашего мужа? Что-то связывало вашу семью с семьей Соколовых двадцать лет назад?

В кофейне повисла тишина — такая глубокая, что Елизавета слышала, как бьется её сердце. Где-то наверху снова скрипнули половицы. За окном проехала машина, и свет фар скользнул по его лицу, высветив напряженные скулы.

— Я не знаю, — сказала она. И это было правдой. — Я не знаю деталей. Я знаю, что твой отец был журналистом. Знаю, что он погиб. Знаю, что мой муж был свидетелем по какому-то делу, связанному с ним. Но деталей я не знаю. Я выясняю это прямо сейчас. И когда я узнаю — я расскажу тебе. Всё, что узнаю. Даже если это выставит моего мужа в дурном свете. Даже если это выставит в дурном свете меня. Я обещаю.

Он долго смотрел на неё. Потом кивнул — медленно, словно принимая решение, которое изменит всю его жизнь.

— Хорошо, — сказал он. — Я согласен. Три месяца. С завтрашнего дня.

— С завтрашнего, — повторила она, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Я пришлю машину. Или ты хочешь приехать сам?

— Сам, — он встал, давая понять, что разговор окончен. — У меня есть метро.

Она тоже поднялась. Они стояли друг напротив друга — женщина в темных джинсах и кедах, с хвостом на затылке и следами усталости под глазами, и молодой человек в белой рубашке, пахнущий кофе и корицей. Между ними был шаг — всего один шаг, — но он казался пропастью.

— Спокойной ночи, Максим, — сказала она.

— Спокойной ночи, Елизавета Андреевна, — ответил он.

Она повернулась и пошла к двери. Колокольчик звякнул. Она вышла в московский вечер — сырой, ветреный, пахнущий бензином и мокрым асфальтом. Дошла до машины, села за руль и только тогда позволила себе выдохнуть.

Руки дрожали. Сердце колотилось где-то в горле. Она посмотрела на себя в зеркало заднего вида и увидела женщину, которую давно не видела. Женщину, которая боится. Женщину, которая надеется. Женщину, которая только что заключила самую опасную сделку в своей жизни.

Она завела мотор и поехала домой.

А в кофейне на Покровке Максим Соколов сидел за стойкой, смотрел на смятую салфетку и думал о том, что только что согласился на предложение женщины, которая, возможно, причастна к смерти его отца.

Или, возможно, нет.

Он собирался это выяснить.

Глава 3. Золотая клетка

Утро следующего дня началось для Елизаветы с телефонного звонка.

Она еще лежала в постели, разглядывая лепнину на потолке, когда на прикроватной тумбе завибрировал телефон. На экране высветилось имя: «Петр Ильич». Она схватила трубку быстрее, чем обычно.

— Слушаю.

— Елизавета Андреевна, я поднял архивы, — голос начальника службы безопасности звучал напряженно, как всегда, когда он приносил плохие новости. — То дело, по журналисту Соколову. Оно действительно связано с вашим покойным супругом. И не только с ним.

Она села в постели, придерживая одеяло у груди.

— Говори.

— Двадцатого марта двухтысячного года Алексей Соколов был сбит автомобилем на пешеходном переходе в районе Чистых прудов. Водитель скрылся. Свидетелей не нашлось. Дело квалифицировали как несчастный случай и закрыли через три месяца за отсутствием состава преступления.

— Это я уже знаю. Что с мужем?

— За две недели до гибели Соколов опубликовал статью в «Новой газете» — кстати, тогда еще просто в «Новой», без приставки. Статья называлась «Кровавые бриллианты: ювелирный бизнес под контролем ОПГ». В ней он расследовал связи между ломбардным бизнесом и организованной преступностью. Упоминалась компания «Ювелирный дом "Эстель"», которая на тот момент принадлежала вашему мужу. И упоминался он сам — Виктор Сергеевич Воронцов. Прямо. С фотографией.

Елизавета молчала. Виктор никогда не рассказывал ей об этом. Никогда. За десять лет брака он ни разу не упомянул никакого журналиста. Никакой статьи. Никакого расследования.

— Дальше.

— Через неделю после публикации Соколов подал запрос в прокуратуру — хотел получить доступ к финансовой отчетности «Эстели». Ему отказали. Еще через неделю он погиб. Ваш муж проходил по делу как свидетель — якобы он был в другом месте в момент наезда. Алиби ему обеспечил... человек по фамилии Баринов. Аркадий Семенович Баринов. Вам это имя знакомо?

Барин. Конечно, знакомо. Аркадий Баринов был правой рукой Виктора все девяностые и нулевые. Они начинали вместе — Виктор с его амбициями и связями, Барин с его кулаками и готовностью решать вопросы. После смерти Виктора Барин отошел от дел, но они продолжали видеться — на поминках, на днях рождения общих знакомых, иногда в ресторане, когда он приезжал в Москву из своего загородного поместья. Он был единственным человеком из прошлого, с которым Елизавета поддерживала связь. Единственным, кто называл её «Лиза» — так, как называл её муж.

— Я знаю Барина, — сказала она. — Что еще?

— В архиве есть показания очевидца. Некий дворник видел машину, которая сбила Соколова. Черный джип. «Тойота Ленд Крузер». Номер он не запомнил, но запомнил, что на заднем сиденье было двое. Дворник описал одного из них: крупный мужчина, лысый, с бородой. Это описание совпадает с Бариновым, Елизавета Андреевна. Полностью.

— А второй?

— Второго он не разглядел. Но на переднем сиденье был водитель — молодой парень, которого дворник не запомнил. Дело замяли через три месяца. Следователь, который его вел, уволился по состоянию здоровья и через год умер от инфаркта. Удобно, правда?

— Очень удобно.

Она откинулась на подушки и закрыла глаза. Перед внутренним взором проплывали картины прошлого: Виктор, возвращающийся поздно ночью, с красными глазами и запахом коньяка. Виктор, запирающийся в кабинете с Бариновым и выходящий оттуда бледный. Виктор, который однажды сказал ей — единственный раз за весь брак: «Если со мной что-то случится, никогда не доверяй Барину. Никогда. Слышишь?»

Она тогда не придавала значения. Решила — паранойя. У них у всех была паранойя в те годы.

— Петр Ильич, — сказала она медленно. — А кто был тем молодым парнем за рулем? Есть предположения?

— Никаких, — ответил он. — Но я могу копнуть глубже.

— Копните. И еще — мне нужна встреча с Бариновым. Но не сейчас. Через несколько дней. Я хочу сама с ним поговорить.

— Это может быть опасно, Елизавета Андреевна. Если Баринов действительно причастен к убийству Соколова-старшего, а теперь Соколов-младший крутится вокруг вас...

— Я знаю, — перебила она. — Я знаю. Но я должна выяснить правду. Для себя. И для него.

— Для официанта?

— Для Максима, — поправила она. — Его зовут Максим.

На том конце провода повисла пауза — Петр Ильич явно хотел что-то сказать, но сдержался.

— Будьте осторожны, — повторил он наконец. — Я пришлю вам отчет в письменном виде. Удалите после прочтения.

— Спасибо. До связи.

Она положила телефон и долго сидела неподвижно, глядя в одну точку. Значит, вот оно что. Максим не просто так согласился на её предложение. Он искал информацию. Он искал правду о смерти отца. И она — она была его билетом в прошлое.

Ей следовало бы разозлиться. Почувствовать себя использованной. Но вместо этого она чувствовала странное, горькое уважение. Парень не побоялся. Вошел в клетку к тигрице. Рискнул всем, чтобы узнать правду. Так делали герои книг, которые она читала в молодости, а потом перестала читать, потому что жизнь научила её: героев не бывает. Бывают только хищники и жертвы.

А этот мальчик, кажется, был хищником. Только другого вида — тихого, терпеливого, умеющего ждать.

Она встала с постели и подошла к окну. Утро было серым и ветреным. Москва за стеклом жила своей обычной жизнью, не подозревая, что в пентхаусе на Остоженке женщина, которая еще вчера считала себя хозяйкой мира, вдруг поняла, что её мир — карточный домик. И кто только что вытащил из него нижнюю карту.

В тот же день Елизавета позвонила Артуру и отменила их ужин.

— Что-то случилось? — спросил он. Голос у него был обиженный, почти детский. За два месяца она хорошо изучила его интонации: когда он выигрывал дело, когда проигрывал, когда хотел секса, когда хотел денег. Сейчас он явно хотел и того, и другого.

— Ничего не случилось. Я просто устала.

— Может, я приеду? Привезу вина? Сделаю тебе массаж?

Она поморщилась. «Тебе». Он перешел на «ты» месяц назад, и каждый раз это «ты» резало ей слух, как фальшивая нота. Артур был удобным — да. Он был красивым, предсказуемым, безопасным. Но он был пустым. Как красивая коробка из-под дорогого подарка, внутри которой ничего нет.

— Не сегодня, — сказала она. — Я позвоню, когда освобожусь.

— Лиза...

Она нажала отбой. Не хотела слышать продолжения. «Лиза». Её так называли только двое: покойный муж и Барин. Артур не имел права. Никто не имел права.

Она убрала телефон в сумочку и подошла к зеркалу. Сегодня она надела тот самый красный костюм, о котором думала неделю назад, выбирая между ним и черным платьем. Костюм сидел идеально: жакет подчеркивал талию, брюки удлиняли ноги, красный цвет оттенял черноту волос и делал лицо ярче. Она красилась тщательнее обычного — тональная основа, скульптор, тени, помада. Она потратила на лицо сорок минут, и результат был безупречен. Никто не дал бы ей больше сорока пяти.

Никто, кроме него.

Он увидит её настоящую — с морщинами, с усталостью, с тенями под глазами. Он ведь медик. Он видел сотни лиц без прикрас. Он смотрит на неё не так, как Артур — оценивающе, прикидывая, сколько ещё продержится её молодость. Он смотрит на неё так, как смотрят на равного. Или на противника.

Она еще не решила, кто он для неё.

Максим приехал ровно в десять.

Она ждала его в гостиной — огромной комнате с панорамными окнами, белыми диванами и роялем, на котором никто не играл. Рояль достался ей от мужа вместе с квартирой: Виктор любил классическую музыку, у него была коллекция винила и абонемент в консерваторию, которым он пользовался дважды в год. После его смерти она хотела продать рояль, но так и не собралась. Он стоял в углу, как памятник прошлой жизни — громоздкий, черный, бесполезный.

Максим вошел в сопровождении горничной — женщины лет шестидесяти, которая работала у Елизаветы уже десять лет и умела растворяться в воздухе, когда это требовалось. Он был одет в те же джинсы и ту же рубашку, что и в кофейне — или, может быть, у него было две одинаковых? — и держал в руках небольшую спортивную сумку. На запястье всё тот же кожаный браслет. Светлые глаза. Спокойный взгляд.

— Доброе утро, Елизавета Андреевна, — сказал он, останавливаясь посреди гостиной.

— Доброе утро, Максим. Проходи. Садись.

Он сел на край белого дивана — осторожно, словно боялся испачкать. Она села напротив, в кресло, закинув ногу на ногу. Красный костюм, черные туфли на шпильке, бриллианты в ушах — капли чистой воды, которые стоили больше, чем всё, что у него было. Она знала, как выглядит со стороны: хозяйка жизни, предлагающая сделку. Императрица, принимающая просителя.

Но проситель не выглядел просителем. Он сидел на диване, положив сумку у ног, и смотрел на неё с тем же непроницаемым выражением, что и в ресторане.

— Хочешь кофе? — спросила она.

— Нет, спасибо. Я пил.

— Тогда к делу. Сегодня вечером у меня благотворительный прием в «Метрополе». Сбор средств для детского хосписа. Я член попечительского совета. Ты пойдешь со мной.

— В качестве кого?

— В качестве моего спутника. Я представлю тебя как своего... помощника. Или стажера. Или друга. Мы придумаем легенду по дороге.

— Вы стесняетесь меня? — он чуть улыбнулся уголком губ. — Бойтесь, что подумают люди?

— Я ничего не боюсь, — отрезала она. — Но у меня есть репутация. И у тебя она тоже будет — если ты собираешься возвращаться в этом кругу. А ты собираешься. Три месяца. Помнишь?

— Помню.

— Тогда слушай правила. Первое: ты всегда рядом со мной. На расстоянии вытянутой руки — если только я не скажу иначе. Второе: ты ни с кем не обсуждаешь меня, мой бизнес, мою семью. Если кто-то задает вопросы — отвечаешь, что ты мой помощник, и переводишь разговор на другую тему. Третье: никаких разговоров о твоём отце. Ни с кем. Никогда. Особенно с людьми, которые знали моего мужа.

Он прищурился.

— Почему?

— Потому что я так сказала. Это четвёртое правило: ты не спрашиваешь «почему», когда я говорю «нет».

— Это не сработает.

— Что?

— Правило «не спрашивай почему». Я не ваша собака, Елизавета Андреевна. Я ваш партнер по контракту. А партнеры имеют право знать причины. Иначе это не партнерство. Это рабство.

Она сжала подлокотник кресла. Дракон внутри зашевелился, но она заставила себя промолчать. Он был прав. Формально он был прав. Но формальная правота раздражала её больше, чем откровенная дерзость.

— Хорошо, — сказала она сквозь зубы. — Я расскажу тебе причины. Но позже. Когда сама во всем разберусь. А пока — ты доверяешь мне. Или мы расходимся прямо сейчас.

— Вы хотите, чтобы я вам доверял? — он покачал головой. — Я вас не знаю. Вы меня не знаете. Мы заключили деловую сделку. При чем здесь доверие?

— При том, что в моем мире без доверия не выживают.

— В вашем мире, — он выделил слово «вашем», — без доверия выживают лучше всего. Я читал газеты, Елизавета Андреевна. Я знаю, как делаются дела в ювелирном бизнесе.

Она хотела возразить, но промолчала. В конце концов, он был прав — и в этом тоже. Её мир был миром волков. И если она хотела, чтобы этот мальчик стал частью её мира, она должна была признать: он уже знал его правила. Возможно, лучше, чем она думала.

— Ладно, — она встала, давая понять, что дискуссия окончена. — Сегодня вечером ты наденешь смокинг. Я заказала три штуки — их привезут через час. Выберешь тот, что сядет лучше. А сейчас иди в гостевую комнату, отдохни. Вечер будет долгим.

— Гостевая комната, — повторил он. — Я буду жить здесь?

— А ты думал, что будешь приезжать из Люберец на метро? — она усмехнулась. — В моем мире, Максим, спутники живут рядом. Это удобно. И безопасно. Для нас обоих.

Он помолчал, глядя на неё. Потом взял сумку и встал.

— Я хочу увидеть мать, — сказал он. — Раз в неделю. По воскресеньям. Это не обсуждается.

— Не обсуждается, — согласилась она. — Горничная покажет тебе комнату. И, Максим...

Он обернулся.

— Спасибо, что пришел.

Он ничего не ответил. Просто кивнул и вышел вслед за горничной. Елизавета осталась стоять в гостиной, слушая, как стихают его шаги в коридоре.

Она налила себе виски — чистый, без льда — и выпила залпом. Потом подошла к роялю и провела пальцем по черной лакированной крышке. Рояль молчал уже десять лет.

Интересно, подумала она, умеет ли Максим играть?

Вечером черный «Мерседес» с личным водителем вез их в «Метрополь».

Максим сидел рядом с ней на заднем сиденье и смотрел в окно. Смокинг сидел на нем так, словно был сшит на заказ — хотя она просто купила три дорогих костюма в бутике на Кузнецком и велела привезти их в пентхаус. Он выбрал классический черный, с узким лацканом, и белую рубашку без воротника-стойки. Никаких бабочек — он отказался наотрез. Галстук — тонкий, черный, завязанный небрежным узлом. Выглядел он как молодой художник, которого богатая покровительница вывела в свет. Или как музыкант. Или как...

— О чем ты думаешь? — спросила она, прерывая собственные мысли.

— О том, что я здесь чужой, — ответил он, не оборачиваясь. — И все это поймут через пять минут.

— Не поймут, если ты не будешь об этом думать. Уверенность, Максим, — это маска. Надень её.

— Как у вас?

— Что — как у меня?

— Уверенность. Это маска?

Она помолчала. Мимо проплывали огни Тверской — витрины, реклама, спешащие прохожие.

— Когда-то была маской, — сказала она наконец. — А потом стала лицом.

Он повернулся и посмотрел на неё. В полумраке салона его глаза казались почти белыми — прозрачными, как стекло.

— Мне жаль вас, — сказал он тихо.

— Что? — она не поверила своим ушам.

— Мне жаль вас. Вы носите эту маску так долго, что забыли, какая вы на самом деле. Вы богаты, успешны, красивы — но вы не знаете, кто вы без всего этого. А я знаю, кто я. У меня нет денег, нет власти, нет смокинга, кроме того, что вы мне дали. Но я знаю, кто я. Сын своего отца. Брат своей матери. Человек, который хочет правды. И мне вас жаль.

Она открыла рот, чтобы ответить резкостью — но слова застряли в горле. Потому что он был прав. Черт возьми, он был прав. Она не знала, кто она без денег, без статуса, без этой квартиры, без рояля, на котором никто не играет. Она была пустой коробкой. Как Артур. Как все они.

— Приехали, Елизавета Андреевна, — сказал водитель.

Она выдохнула, поправила причёску и надела улыбку — ту самую, которую репетировала перед зеркалом тридцать лет назад.

— Выходим, — сказала она. — И помни: ты мой помощник. Держись рядом. И ни с кем не заговаривай первым.

— Слушаюсь, — ответил он, и в его голосе ей почудилась ирония.

Они вышли из машины и направились к ярко освещенному подъезду «Метрополя», где уже толпились фотографы и гости в вечерних нарядах. Вспышки камер, приветственные возгласы, шелест шелка и запах дорогих духов. Елизавета шла сквозь толпу, как нож сквозь масло — люди расступались перед ней, администраторы кланялись, знакомые улыбались и махали руками. Она отвечала кивками, улыбками, парой слов — и чувствовала, что Максим идет за ней, на расстоянии вытянутой руки, как она и велела.

В вестибюле их встретила организатор приема — молодая женщина в синем платье, с планшетом в руках и профессиональной улыбкой.

— Елизавета Андреевна! Добрый вечер! Мы так рады вас видеть! Ваш столик номер пять, рядом со сценой. Ой, а это ваш спутник? — она бросила быстрый взгляд на Максима, и в её глазах мелькнуло любопытство.

— Мой помощник, Максим, — представила Елизавета. — Он со мной.

— Да, конечно. Я внесу его в список.

Они прошли в зал — огромный, залитый золотым светом, с высокими потолками и лепниной, которую реставрировали, кажется, целую вечность. Круглые столы, белые скатерти, хрустальные бокалы. На сцене музыканты настраивали инструменты. Пахло цветами и духами, дорогими и сложными — кажется, Joy от Jean Patou, любимые духи одной из её подруг.

— Красиво, — сказал Максим, оглядывая зал.

— Привыкай. Таких вечеров будет много.

— Я не жалею.

Их столик находился у самой сцены — почетное место, как она и рассчитывала. За столом уже сидели двое: Игорь Борисович, её финансовый директор, и женщина лет пятидесяти в серебристом платье с декольте. Елизавета узнала её мгновенно — Светлана Романова, владелица сети салонов красоты и, по совместительству, главная сплетница Москвы. Когда-то они дружили, но потом что-то произошло — какая-то мелкая ссора из-за общего знакомого, кажется, — и с тех пор они поддерживали видимость дружбы, обмениваясь колкостями на приемах.

— Лизочка! — Светлана всплеснула руками, и бриллианты на её запястьях засверкали в свете люстр. — Сколько лет, сколько зим! А кто это с тобой?

— Мой помощник, Максим, — Елизавета села за стол, указав Максиму на стул рядом с собой. — Проходи, садись.

— Помощник? — Светлана прищурилась, разглядывая Максима с откровенным интересом. — Какой хорошенький! Лизочка, честно признавайся — где ты берешь таких мальчиков? У тебя прямо талант! Помню, прошлый твой помощник тоже был... ммм... очень квалифицированным.

Игорь Борисович поперхнулся шампанским. Елизавета сжала зубы, но сохранила улыбку.

— Света, ты, как всегда, очаровательна, — сказала она ледяным тоном. — Максим действительно квалифицированный специалист. С медицинским образованием. Он помогает мне с благотворительными проектами.

— С медицинским! — Светлана всплеснула руками. — О, так он еще и умный! Лизочка, береги его, а то уведут!

Максим сидел молча, с непроницаемым лицом. Елизавета бросила на него быстрый взгляд: он не выглядел смущенным или раздраженным. Скорее, он наблюдал за Светланой с тем же спокойным интересом, с каким тогда, в ресторане, смотрел на неё саму. Изучал. Анализировал. Запоминал.

— Света, — сказала Елизавета, понижая голос, — я надеюсь, ты понимаешь, что некоторые шутки лучше оставить для более близкого круга?

— Ой, да брось, Лиз, — Светлана махнула рукой. — Мы же все свои. Ну правда, расскажи — где познакомились? Он симпатичный. Может, у него есть брат?

Максим вдруг улыбнулся — открыто, обезоруживающе, так, что даже Светлана на секунду замолчала.

— У меня нет брата, — сказал он. — Но я обязательно дам вам знать, если вдруг появится.

Светлана расхохоталась — громко, чуть вульгарно, привлекая внимание соседних столиков. Елизавета почувствовала, как внутри закипает раздражение, смешанное с чем-то похожим на... гордость? Нет, не гордость. Удовлетворение. Её спутник только что поставил на место главную сплетницу Москвы — вежливо, но твердо. И сделал это лучше, чем она сама.

Может быть, подумала она, из него выйдет толк.

Вечер продолжался. Выступали артисты, собирали пожертвования, произносили тосты. Елизавета делала то, что делала всегда — улыбалась нужным людям, пожимала руки, обещала

перезвонить. Максим держался рядом, как она и велела — на расстоянии вытянутой руки, — но при этом умудрялся быть почти незаметным. Он не лез в разговоры, не привлекал внимания, не задавал вопросов. Просто стоял и смотрел.

И всё же она чувствовала его присутствие каждой клеткой тела. Как будто между ними натянулась невидимая нить — тонкая, вибрирующая, готовая зазвенеть от малейшего прикосновения.

Когда вечер закончился и они вышли на улицу, она вдохнула холодный ночной воздух полной грудью. Голова слегка кружилась от шампанского, но она держалась прямо — спина, осанка, корона, как учила её мать.

— Вы хорошо справились, — сказала она Максиму, когда они сели в машину.

— Я ничего не делал.

— Именно. Ты ничего не делал, и это было идеально.

Он повернулся к ней, и в свете уличных фонарей она увидела на его лице странное выражение — не улыбку, не насмешку, что-то среднее.

— Знаете, что я понял за этот вечер? — спросил он.

— Что?

— Что вы всем нужны. Но никто вас не любит.

Машина тронулась. За окном проплывали огни ночной Москвы. Елизавета сидела неподвижно, глядя прямо перед собой.

— Я знаю, — сказала она тихо. — Я давно это знаю.

Они замолчали. И каждый думал о своем: она — о том, что этот мальчик видит её насквозь и это пугает до дрожи; он — о том, что женщина, которую он поклялся ненавидеть, выглядит сейчас как раненый зверь. И это не вызывает у него ничего, кроме странной, неожиданной нежности.

Глава 4. Игра в подчинение

Милан встретил их дождем.

Елизавета любила этот город — его узкие улочки, его кофейни, его торопливую, но элегантную толпу. Она приезжала сюда дважды в год: на неделю моды в феврале и на ювелирную выставку в сентябре. Здесь у неё был любимый отель — «Принчипе ди Савойя», старый, пафосный, с лепниной и позолотой, с швейцарами в цилиндрах и консьержами, помнившими её ещё с тех времен, когда она приезжала с Виктором.

Сегодня она приехала с Максимом.

Идея возникла спонтанно: на следующее утро после приема в «Метрополе» ей позвонили из Милана — срочно требовалось подписать документы по новому контракту с итальянскими поставщиками. Можно было отправить Игоря Борисовича, но она решила лететь сама. И взять Максима. Это была проверка — для них обоих.

Перелет прошел в молчании. Максим сидел в кресле бизнес-класса и читал книгу — какой-то толстый томик на английском, кажется, исторический нон-фикшн. Елизавета работала с документами, но время от времени бросала взгляд на его профиль — острый, четкий, как на античной монете. Он ни разу не посмотрел на неё в ответ. То ли не чувствовал её взгляда, то ли делал вид, что не чувствует. Она не могла решить, что раздражает её больше.

В аэропорту Мальпенса их встретил водитель — пожилой итальянец в сером костюме, с табличкой «VORONTSOVA» в руках. Он отвез их в отель, где Елизавету ждал традиционный номер «Принчипе» — люкс с видом на сад, с мраморной ванной и кроватью под балдахином. Для Максима она заказала соседний номер — поменьше, но тоже приличный, с окнами во внутренний двор.

— Распаковывай вещи, — сказала она ему в коридоре. — У нас час до встречи с поставщиками. Надень синий костюм — тот, что мы купили перед отлетом. И галстук. Обязательно галстук.

— Зачем? — спросил он. — Я думал, я просто помощник. Помощникам не нужны галстуки.

— В Италии нужны. Здесь судят по одежде. Особенно в ювелирном бизнесе. Ты хочешь, чтобы нас приняли всерьез, или нет?

— Я хочу, — он помолчал, — чтобы вы перестали мне приказывать.

Она замерла, держа руку на дверной ручке. Коридор был пуст, только где-то вдалеке слышался звон посуды — горничная катила тележку.

— Что ты сказал?

— Я сказал: перестаньте мне приказывать, — повторил он ровным голосом. — Я не солдат. Вы не генерал. Мы партнеры. Помните? Вы сами это сказали. Если я должен носить галстук, просто объясните мне — зачем. И я его надену. Но не потому, что вы приказали. А потому, что я понял причину и согласился.

Она медленно обернулась. Он стоял в двух шагах от неё — в той же белой рубашке, с дорожной сумкой в руке, с влажными от дождя волосами (пока они шли от машины до отеля, он успел промокнуть). Смотрел прямо, не отводя глаз. И снова — ни страха, ни вызова. Только спокойная уверенность.

— Ты понимаешь, — сказала она тихо, — что никто не разговаривает со мной так?

— Понимаю. Поэтому вы и наняли меня. Вам нужен кто-то, кто не боится.

— Я не нанимала тебя. Я предложила тебе сделку.

— Тем более.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри борются два чувства: ярость — старая, знакомая, почти комфортная — и что-то новое, чему она не могла подобрать названия. Что-то похожее на уважение.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я объясню. В Италии, особенно в ювелирном бизнесе, внешний вид — это знак уважения к партнеру. Если ты приходишь без галстука, ты как бы говоришь: «Мне плевать на вас и на нашу встречу». Мои поставщики — старые итальянские семьи. Они консервативны. Они заметят, если ты будешь одет неправильно, и сделают выводы обо мне. Потому что спутник — это продолжение женщины. Понятно?

— Понятно, — сказал он. — Я надену галстук. Спасибо за объяснение.

Он развернулся и пошел к своему номеру. Елизавета стояла в коридоре и смотрела ему вслед, чувствуя себя странно — как будто она только что проиграла битву, но выиграла что-то более важное. Что именно — она еще не поняла.

Встреча с поставщиками прошла успешно. Семья Мартинелли — три поколения ювелиров, седовласые мужчины в безупречных костюмах и женщины с бриллиантами в ушах, которые они носили так, словно родились в них, — приняла Елизавету с распростертыми объятиями. Они пили эспresso в их офисе на виа Монтенаполеоне, обсуждали цены на бриллианты, спорили о каратах и огранке. Максим сидел рядом и молчал — но не так, как молчат слуги, а так, как молчат люди, которые слушают и запоминают.

Когда разговор перешел на итальянский — старший Мартинелли, синьор Альберто, вдруг переключился, увлекшись, — Максим неожиданно улыбнулся. Елизавета бросила на него быстрый взгляд и увидела, что он понимает. Не всё, но достаточно.

— Ты говоришь по-итальянски? — спросила она, когда они вышли на улицу.

— Немного. Учил в колледже. Латынь помогает.

— Латынь? Ты учил латынь?

— В медицинском колледже. Анатомия, рецепты, терминология. Латынь — основа.

Медицинский колледж. Она снова забыла об этом. Он был фельдшером. Видел кровь, смерть, боль. А она привезла его в Милан обсуждать бриллианты, как будто это имело значение. Как будто хоть что-то из этого имело значение.

— Прогуляемся? — предложила она. — У нас есть пара часов до ужина.

Он кивнул. Они пошли по виа Монтенаполеоне, мимо витрин с сумками и туфлями, мимо кафе с плетеными стульями, мимо женщин в мехах и мужчин в кашемировых пальто. Дождь закончился, и над Миланом проступало бледное осеннее солнце — неяркое, но теплое. Они шли молча, и Елизавета ловила себя на том, что ей не нужно заполнять паузу словами. С Артуром она всегда болтала — о погоде, о новостях, о планах, — потому что тишина с ним была неловкой, пустой, как зал ожидания. С Максимом молчание было другим: наполненным, почти уютным.

Они остановились у витрины ювелирного магазина — не «Мартинелли», другого, поменьше. В витрине на черном бархате лежало кольцо — изумруды в окружении бриллиантов, тонкая работа, явно винтаж.

— Красиво, — сказал Максим.

— Хочешь, я куплю его тебе? — спросила она, не подумав.

Он повернулся к ней. Лицо его было спокойным, но в глазах мелькнула тень — та самая, которую она уже научилась узнавать. Тень человека, который привык, что его пытаются купить.

— Вы серьезно?

— Вполне. Ты хорошо справился с поставщиками. Заслужил награду.

— Я не собака, Елизавета Андреевна. Мне не нужны награды.

— А что тебе нужно?

— Я уже говорил. Правда. Только правда.

Она вздохнула и отвернулась к витрине. Её отражение смотрело на неё из-за стекла — высокая женщина в черном пальто, с черными волосами, собранными в низкий пучок, с бриллиантами в ушах и усталыми глазами. Рядом с ней стоял молодой мужчина, который отказывался от подарков. Это было так непривычно, что она не знала, как реагировать.

— Моя мать, — сказал вдруг Максим, — работала на трех работах, чтобы я мог учиться. Она продала всё, что у неё было — бабушкины серьги, отцовскую коллекцию пластинок, даже обручальное кольцо. Когда мне было пятнадцать, я украл деньги из её кошелька — хотел купить кроссовки, как у всех. Она заметила. И ничего не сказала. Просто посмотрела на меня — и я всё понял. На следующий день я пошел мыть машины. И купил эти кроссовки сам. А деньги вернул в кошелек, пока она спала.

Она слушала его, не перебивая. Он говорил тихо, глядя на изумрудное кольцо, словно рассказывал не ей, а самому себе.

— Я не против подарков, — продолжил он. — Но я хочу их заслужить. По-настоящему. Не тем, что я хорошо сидел на встрече и улыбался. А чем-то... важным. Чем-то настоящим.

— И что для тебя «настоящее»? — спросила она.

— Пока не знаю. Но когда узнаю — вы поймете. И я пойму. И тогда, если захотите, подарите мне что-нибудь. Я возьму.

Они постояли еще минуту, глядя на кольцо. Потом Елизавета взяла его под руку — впервые за всё время, сама, без приказа, — и повела дальше по улице.

— Идем, — сказала она. — Я знаю здесь одно место. Там подают лучший тирамису в Милане.

Он не отстранился. И это было маленькой победой.

Ужин проходил в ресторане «Кракко» — том самом, с двумя звездами Мишлен, куда она когда-то ходила с Виктором. Она заказала столик у окна и выбрала меню сама — семь перемен, вино к каждой, безупречный сервис. Максим сидел напротив, и в мягком свете свечей его лицо казалось старше — резче, строже, без мальчишеской мягкости, которую она замечала раньше.

— Расскажи мне о себе, — попросила она, когда принесли закуски. — По-настоящему. Без «я студент, я работаю в кофейне». Кто ты, Максим Соколов?

Он помолчал, покрутил в пальцах ножку бокала.

— Я человек, который ищет правду, — сказал он наконец. — Всю жизнь. Сколько себя помню. Мой отец был журналистом — хорошим, честным. Он расследовал то, о чем другие боялись писать. Мама говорила, что он никогда не брал взяток и не шел на компромиссы. Когда он погиб, мне было три. Я его почти не помню. Только запах — табак и типографская краска. И руки — большие, теплые. Он подбрасывал меня к потолку, и я смеялся.

Он замолчал, глядя в окно. За стеклом сиял вечерний Милан — огни витрин, фары машин, прохожие с зонтами. Елизавета ждала.

— Когда мне было десять, я нашел в мамином шкафу папку, — продолжил он. — Там были его статьи. И письма. И фотографии. И одна записка — он написал её за день до смерти. «Если со мной что-то случится, ищите ответы в "Эстели"». Я не знал тогда, что это значит. Но запомнил. А потом вырос и начал искать.

— И нашел меня, — сказала она тихо.

— Не сразу. Сначала я поступил в медицинский — хотел помогать людям, как помогала маме скорая, когда ей становилось плохо. Работал на вызовах, видел всякое. Потом понял, что хочу другого — хочу писать, как отец. Поступил на журфак. Устроился в «Ламию» — не случайно. Я знал, что вы там бываете. Знал, что вы — вдова Воронцова. Думал, может быть, подвернется случай. И он подвернулся.

— Ты меня использовал, — сказала она. Это был не вопрос.

— Да, — он посмотрел ей прямо в глаза. — Сначала — да. Я думал, что вы такая же, как ваш муж. Что вам плевать на людей. Что вы — просто богатая стерва, которая покупает мальчиков. Но потом...

— Что — потом?

— Потом я увидел вас. Настоящую. Там, в кофейне. Когда вы сидели шесть часов за столиком и ждали меня. Я понял, что ошибался. Вы не такая, как ваш муж. Вы другая.

— Откуда ты знаешь, каким был мой муж?

— Я читал о нем. Много. И я читал о вас. То, что писали в прессе. То, что говорили люди. Вы были его женой, но вы не были его партнером. Вы были... декорацией.

Её рука дрогнула, и вино в бокале качнулось. Декорация. Именно так называл её Виктор, когда злился. «Ты просто красивая декорация, Лиза. Не забывай свое место».

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — сказала она холодно.

— Знаю, — ответил он мягко. — Я знаю больше, чем вы думаете. Ваш муж был чудовищем. Он убивал людей. Он отмывал деньги. Он держал вас в золотой клетке и называл это любовью. И вы терпели. Почему?

Она хотела встать и уйти. Хотела швырнуть бокал в стену. Хотела закричать на него — так, как кричала на всех, кто смел задавать ей такие вопросы. Но она осталась сидеть. Потому что он спрашивал не со злостью. Он спрашивал так, как врач спрашивает пациента: «Где болит?»

— Потому что я боялась, — сказала она. Слова вырвались сами, помимо воли. — Я боялась его. Боялась остаться одна. Боялась, что без него я — никто. Он дал мне всё: деньги, статус, защиту. А взамен взял... всё остальное. Мою свободу. Мою гордость. Мою способность любить. Он выпил меня до дна, а потом умер — и оставил пустую оболочку. Которая до сих пор ходит по ресторанам и делает вид, что живет.

Она замолчала, потрясенная собственными словами. Она никогда никому этого не говорила. Даже себе — никогда. А сейчас, в миланском ресторане, перед мальчиком, который был младше её на тридцать четыре года, она вывернула душу наизнанку. И не чувствовала стыда. Только облегчение — огромное, ошеломляющее, как будто она сбросила груз, который носила десятилетиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.